

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

(современные направления в логике)

Ю. Ю. Черноскотов

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСУППОЗИЦИИ: ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Прагматические теории контекста и presupпозиции начали активно разрабатываться уже с конца 70-х годов, когда исследователей перестали удовлетворять чисто логические интерпретации этого феномена, которые не позволяли адекватно выразить многие существенные стороны рассматриваемого феномена¹. Семантическое понятие presupпозиции, в частности, не позволяет объяснить зависимость presupпозиции отдельного предложения от совокупности знаний субъекта. Его возможности оказываются крайне ограниченными, как только мы пытаемся перейти от обсуждения presupпозиций отдельного предложения к presupпозициям множеств предложений. Наконец, такое понимание оказалось малопродуктивным для решения проблемы проекции presupпозиций, актуальность которой по мере развития исследований на стыке логической и лингвистической семантики никоим образом не уменьшилась. И в целом подобные подходы плохо стыковались с нарастающими исследованиями в рамках динамической парадигмы. Все это привело к тому, что логические и семантические трактовки presupпозиции и контекста оказались вытеснены подходами, учитывающими прагматические и динамические аспекты. Некоторые основные принципы таких подходов будут рассмотрены в этой работе.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №06-03-00464а

¹ См.: Черноскотов Ю. Ю. Контекст и логические теории presupпозиции // Логико-философские штудии. Вып. 3. СПб., 2005.

1. Прагматическое понятие контекста: контекст как множество суждений

Уже подход Сталнакера — Каплана содержит тенденцию к прагматизации понятия контекста, причем у Каплана эта тенденция несколько сглажена: семантические характеристики все-таки поставлены в зависимость от объективных свойств ситуации². Сталнакер же прямо отождествлял пресуппозицию с пропозициональной установкой³. Субъектом пресуппозиции может быть каждый член языкового контекста. Если некоторое суждение предполагается в прагматическом смысле, то соответствующий субъект считает, что, с одной стороны, его истинность сама собой разумеется и, с другой стороны, иные субъекты считают так же. Множество всех пресуппозиций субъекта определяет класс возможных миров, совместимый со всеми пресуппозициями. Это множество пресуппозиций определяет границы языковой ситуации. Множество пресуппозиций есть множество возможных миров, базируясь на котором говорящий намерен различать, когда он выражает суждение. Таким образом, здесь мы находим еще одно понимание контекста⁴ — на этот раз как множества возможных миров, совместимых с пресуппозициями.

Пусть L — некоторый пропозициональный язык.

Семантическая интерпретация L состоит из множества возможных миров и функции, которая сопоставляет суждения предложениям относительно контекста (функция от возможных миров к истинностным значениям). Контекст K есть n -ка, где первый член — множество пресуппозиций $S(K)$ (остальные элементы, как уже говорилось, допускают варьирование; здесь мы их опускаем, поскольку их учет несущественен для обсуждаемой темы).

Прагматическая интерпретация L состоит из

- 1) семантической интерпретации;
- 2) двухместного отношения уместности A такого, что $A(P, K)$

² *Kaplan D.* 1) *Dthat // Syntax and Semantics*. 1978. Vol. 9; 2) *On the logic of demonstratives // Journal of Philosophical Logic*. 1979. Vol. 8.

³ *Stalnaker R. C.* *Pragmatics // Synthese*. 1970. Vol. 22 (рус. пер.: Прагматика / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1986).

⁴ В дополнение к рассмотренным Ю. Ю. Черноскутовым (Контекст и логические теории пресуппозиции).

означает «утвердительное произнесение предложения P в контексте K уместно»;

3) двухместной функции изменения g , такой, что $g(P, K)$ есть функция, которая предложение из L и контекст переводит в контекст K . Интуитивно $g(P, K)$ обозначает контекст, который получается после произнесения P в контексте K .

Теперь сформулируем два требования, которые должны предъявляться к языку, моделирующему практику утверждения:

Требование 1:

$A(P, K)$ только если $|P|_K \cap S(K) \neq \emptyset$,
где $|P|_K$ — суждение, которое выражает P в контексте K при соответствующей интерпретации.

Требование 1 говорит, что суждение не может уместно утверждаться в несовместимом с ним контексте.

Требование 2:

$$S(g(P, K)) = S(K) \cap |P|_K.$$

Каждое утверждение изменяет контекст тем, что оно становится дополнительной presupпозицией последующего диалога. Требование 2 нуждается в более тщательной формулировке; так как некоторые утверждения или то, что им противоречит, могут быть отброшены, требование 2 действует в случае, когда отбрасывание не имеет места (подробнее об этом — в следующей части статьи).

Пункты 2) и 3) определения прагматической интерпретации допускают дальнейшее обобщение, так что они будут применимы к конечным последовательностям предложений.

Пусть s — конечный список предложений из L : P_1, P_2, \dots, P_n ; K_1, K_2, \dots, K_n — список контекстов, определенный в выражениях из s и на контексте K :

$$K_1 =_{df} K; K_{i+1} =_{df} g(P_i, K_i).$$

Тогда $A(s, K)$ если и только если для всех $i, 1 \leq i \leq n$, $A(P_i, K_i)$;
 $g(s, K) =_{df} K_n$.

2. Теория изменения контекста

Здесь будут представлены основные результаты теории изменения контекста, полученные в направлении, представленном работами Р. Сталнакера⁵, Л. Карттунена⁶, И. Хайм⁷. Другие направления, прежде всего развиваемые Дж. Газдаром⁸, Ван дер Зандтом⁹, сосредоточены на лингвистических проблемах и не используют (или почти не используют) логического аппарата; поэтому мы опустим их рассмотрение. Заметим лишь, что они толкуют пресуппозицию как неявное утверждение; оно делается употреблением предложения вместе с явным утверждением выражаемого им суждения.

В представляемой здесь теории пресуппозиции рассматриваются не как неявные утверждения, но скорее как предпосылки для утверждения: пресуппозиции предложения суть суждения, которые должны содержаться в контексте, чтобы произнесение этого предложения в этом контексте было приемлемо (разные авторы используют также термины «уместно», «допустимо»). Для произнесений элементарных предложений такие условия допустимости могут специфицироваться, например, на основе лексической информации. В то же время, когда элементарное предложение становится частью сложного предложения, последнее может не иметь пресуппозиций первого. Это феномен известен как проблема проекции пресуппозиций. В рамках излагаемой теории проблема проекции состоит в вопросе, как условия допустимости для произнесения сложного предложения определяются исходя из условий допустимости его элементарных подпредложений.

Оказывается, что на этот вопрос может быть дан достаточно простой ответ при условии, что процесс изменения контекста опи-

⁵ *Stalnaker R. C.* 1) Indicative conditionals // *Language in Focus. Foundations, Methods and Systems: Essays in Memory of Yehoshua Bar-Hillel.* Dordrecht, 1976; 2) Assertion // *Syntax and Semantics.* 1978. Vol. 9; 3) On the representation of context // *Journal of Logic, Language and Information.* 1998. Vol. 7. N 1.

⁶ *Karttunen L.* Presuppositions of compound sentences // *Linguistic Inquiry.* 1973. Vol. 4.

⁷ *Heim I.* The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases. Amherst, 1982.

⁸ *Gazdar G.* Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form. New York, 1979.

⁹ *Van der Sandt R.* Context and Presupposition // *Crom Helm. Linguistic Ser.* 1988.

сывается рекурсивно, по шагам, т.е. если контекстные изменения, вызываемые сложными произнесениями, составлены из изменений, вызываемых его элементарными частями. Ибо тогда можно прочитать, как условия допустимости сложного произнесения получаются из уже известных условий допустимости его элементарных составляющих. Одновременно принимается в расчет, что части произнесения могут вводить пресуппозиции, которые должны предполагаться при интерпретации других частей.

Технически эта программа выглядит следующим образом: прежде всего контекст представляется как множество возможных миров; тот факт, что суждение значимо в контексте или содержится в нем, означает лишь, что последнее является подмножеством первого. Суть дела заключается во введенном выше понятии *функции изменения контекста*. Здесь нам будет удобнее пользоваться обозначениями И. Хайм¹⁰: вместо $S(P, K)$ для обозначения нового контекста, получаемого в результате произнесения P в K , будем писать просто $P + K$. Таким образом, функция «+» отображает контекст K и предложение P в новый контекст $K + P$. Существенно, что эта функция лишь частична; $K + P$ определена лишь тогда, когда произнесение P допустимо в K , и, стало быть, пресуппозиции P содержатся в K .

Если P — элементарное предложение и произнесение P в K допустимо, то $P + K$ приравнивается к $K \cap |P|$, где $|P|$ — суждение, выражаемое предложением P в соответствии с заданной семантикой. Остается рекурсивно определить $K + P$ для сложных суждений и задать условия допустимости сложных произнесений.

Начнем с самого простого случая — конъюнкции. Изменение контекста произнесением предложения формы A и B можно, очевидно, описать так: сначала в контекст добавляется суждение, выражаемое A , а в результирующий контекст — высказывание, тогда выражаемое B ; $K + (A \text{ и } B)$ тождественно $(K + A) + B$, а если A и B элементарные, то $K \cap |A| \cap |B|$. Непосредственно отсюда получаем условия допустимости для конъюнкции. Произнесение A и B в контексте допустимо, если A допустимо в K , а B — в $K + A$. Это означает, что в первоначальном контексте K должны содержаться только такие пресуппозиции B , которые не вводятся произнесением A .

¹⁰ Heim I. The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases.

Пример:

У короля Франции есть сын, и сын короля Франции лыс. (1)

У короля Франции есть сын. (1a)

Сын короля Франции лыс. (1б)

Если (1) произносится в K , то это произнесение допустимо при условии, что K содержит пресуппозиции (1a), т. е. содержит суждение $| \text{Во Франции есть король} |$. Если это так, контекст можно расширить до $K \cap |1a|$. Далее, $K \cap |1a|$ должен содержать пресуппозиции (1б), т. е. $| \text{Во Франции есть король} |$ и $| \text{У короля Франции есть сын} |$. Так как это выполняется, конъюнкция (1) имеет только пресуппозицию $| \text{Во Франции есть король} |$.

В случае отрицания и условного предложения в отличие от конъюнкции части предложения не утверждаются; поэтому контексты, порождаемые произнесением этих частей, выполняют лишь вспомогательную функцию при установлении контекста, порождаемого сложным произнесением.

Отрицательное предложение формы *не-А*: произнесение A в контексте K породит контекст $K + A$. Произнесение *не-А* сохраняет в точности те возможные миры, которые были исключены при переходе от K к $(K + A)$, поэтому $K + \text{не-}A$ определяется как $K \setminus (K + A)$. Поэтому произнесение *не-А* допустимо в тех контекстах, в которых содержатся пресуппозиции A . Это в точности соответствует наблюдению, что пресуппозиции (как правило) сохраняются при отрицании.

При интерпретации условных предложений следует предварительно рассмотреть два контекста: во-первых, множество тех миров из старого контекста, в которых имеет место A , т. е. $K + A$, и, во-вторых, множество миров из $K + A$, в которых имеет место B , т. е. $(K + A) + B$. Посредством условного предложения из K исключаются именно те миры, в которых выполняется A и при этом не выполняется B . Таким образом, $K + (\text{если } A, \text{ то } B)$ определяется как $K \setminus (K + A \setminus (K + A + B))$. В силу этого условия допустимости условного предложения те же, что и для конъюнкции: (1г) предполагает, что во Франции есть король, (1д) — нет.

Если король Франции лыс, то он носит парик. (1г)

Если есть король Франции, то он лыс. (1д)

Во Франции есть король. (1в)

Теперь можно дать общее определение прагматической пресуппозиции произвольного сложного предложения:

Определение отношения пресуппозиции. Предложение Р предполагает суждение $|Q|$, если из каждого контекста, в котором допустимо произнесение Р, логически следует $|Q|$.

Обрисованная на данный момент теория изменения контекста скрывает в себе одну трудность. Мы исходили из того, что контекст содержит общие допущения участников диалога, т. е. те суждения, которые предполагаются как говорящим, так и слушающим. Но отсюда вытекает, что предложения, пресуппозиции которых не вводятся явно, а также не причисляются как общие знания к убеждениям слушающего, должны рассматриваться как недопустимые и, стало быть, неинтерпретируемые. Однако говорящий может посредством пресуппозиций предложений передавать косвенную информацию. Рассматриваемая нами теория изменения контекста пытается учесть это введением так называемых *правил аккомодации*: если говорящий произносит предложение Р в контексте К и Р допустимо в К только тогда, когда суждение $|Q|$ в К имеет значение, но при этом $|Q|$ не содержится в К, то слушающий молчаливо изменяет свои посылки так, что добавляется Р, тем самым Р становится допустимым в общем контексте. Таким образом, правило аккомодации может применяться, только когда не существует общего контекста: произнесение говорящего в любом случае должно быть допустимо в его собственном контексте, а слушающий нуждается в аккомодации только тогда, когда его контекст не тождественен контексту говорящего.

Рекурсивное определение функции изменения контекста дает, кроме того, возможность применять правило аккомодации не к исходному контексту, но к временно введенному. Это можно использовать в том случае, когда предложение теряет пресуппозицию при отрицании. Рассмотрим пример (2) и его возможную пресуппозицию (1в):

Король Франции не лыс, так как во Франции нет короля. (2)

Во Франции есть король. (1в)

Если (2) произносится в контексте, который не содержит $|1в|$ и вследствие этого не выполняет условий допустимости первого предложения, то в принципе имеются две возможные аккомодации. Во-первых, можно аккомодировать первоначальный контекст

до $K + |2в|$ и затем добавить к нему первое предложение в соответствии с правилом отрицания; тем самым будет получен контекст $K + 1в \setminus K + 1в + \text{Король Франции лыс}$. К последнему уже нельзя непротиворечиво добавить вторую часть из (2).

Во-вторых, временно введенный контекст аккомодируется до $K + (1в)$, к нему добавляется *Король Франции лыс*. Соответственно первое предложение из (2) создает контекст $K \setminus K + (1в) + \text{Король Франции лыс}$. В нем верно, что либо во Франции нет короля, либо что он не лыс, и потому сюда можно непротиворечиво добавить вторую часть предложения.

Здесь следует сделать одно замечание. Теория изменения контекста необходима для характеристики произнесенного предложения — утверждения, экстернализованного суждения. Естественное условие удавшегося утверждения состоит в том, что оно, во-первых, расширяет контекст, т.е. уменьшает соответствующее множество возможных миров, однако, во-вторых, не должно сводить его к пустому множеству. Отсюда вытекает соответственно, во-первых, что в K допустимы лишь такие произнесения, которые не создают противоречивости, иначе говоря: $K + A \neq 0$ — это *условие непротиворечивости* мы уже молчаливо использовали. Во-вторых, отсюда вытекает *условие информативности*: произнесение A в K недопустимо, если A уже известно в K , т.е. $K + A = K$ ¹¹.

По этой причине конъюнкция, рассматриваемая относительно контекста, теряет свойство коммутативности, становится «направленной». Примером этого может служить то, что, например, (3а) допустимо по крайней мере в некоторых контекстах, а (3б) неприемлемо никогда:

Во Франции есть король, и король Франции лыс. (3а)

Король Франции лыс, и во Франции есть король. (3б)

Поскольку первая часть (3б) допустима только в контекстах, содержащих пресуппозицию $|во\ Франции\ есть\ король|$, вторая часть (3б) не может произноситься информативно¹².

Следующее наблюдение дает другое условие допустимости. Дело в том, что Сталнакер строит теорию пресуппозиции в рамках семантики с истинностно-значными провалами¹³. В то же время

¹¹Ср.: Stalnaker R. C. Indicative conditionals... P. 325.

¹²Ср.: Ibid. P. 354.

¹³См.: Черноскуптон Ю. Ю. Контекст и логические теории пресуппозиции.

семантическая пресуппозиция становится прагматической благодаря общему условию допустимости, которое можно назвать *условием определенности истины*. Оно говорит, что произнесение P в контексте K допустимо лишь в том случае, если истинностное значение P определено на всех мирах из K , т. е. если $|P|$, что понимается теперь как функция из множества возможных миров в множество $\{И, Л\}$, которая определена для всех миров в K ¹⁴.

На основе всего вышесказанного можно определить понятие прагматического следования. Определение последнего (под названием «Reasonable inference») предложил Р. Сталнакер в 1976 г.¹⁵ В терминах вышеописанной теории изменения контекста его можно сформулировать так:

Определение 2. Утверждение B является прагматическим следствием утверждений A_1, \dots, A_n тогда и только тогда, когда для каждого контекста K , в котором допустимо A_1 и ...и A_n , имеет место

$$(...(K + A_1) + ...) + A_n \subseteq |B|.$$

Итак, пресуппозиции (и, следовательно, контекст) можно описывать как прагматические следствия.

3. Теория изменения контекста и ситуация произнесения

В предыдущей части работы показано, как теория изменения контекста позволяет интегрировать различные компоненты значения произнесения. Теперь следует перейти к связи между контекстом, в котором произносится предложение, и его семантическим содержанием, т. е. выражаемым им суждением. До сих пор за нашими соображениями стояло представление, что теория изменения контекста оперирует на основе предварительно заданной семантики: эта семантика специфицирует для выражений данного языка, какие суждения они выражают, и эти суждения в случае допустимого произнесения предложения добавляются в некоторый контекст. Теперь некоторые аспекты этого представления будут уточнены.

¹⁴Ср.: Там же. С. 326.

¹⁵Stalnaker R. C. Indicative conditionals.

Начнем с естественного наблюдения, что семантика сопоставляется предложениям не непосредственно, но относительно ситуации произнесения. Причина этого в том, что в предложение могут входить индексные, или дейктические выражения. Поэтому чтобы установить, какое суждение выражается предложением «*Я сейчас устал*», надо принять в внимание, кто и когда это произносит. Менее очевидный пример индекса — дескрипция — допускает атрибутивное и референциальное прочтение: выражение вида *изобретатель громоотвода* обозначает в атрибутивном смысле, совершенно независимо от обстоятельств, в которых оно произносится, в каждом мире w одного и того же индивида; при референциальном же прочтении, напротив, оно обозначает в каждом мире w того индивида, который в мире произнесения изобрел громоотвод, — контекстная зависимость имеет место во втором случае.

Мы будем предполагать, что семантические правила языка определяют не только интенционал, но и его *характер*¹⁶: функция от ситуации произнесения к интенционалу, а значит, систематическое описание зависимости содержания выражений от ситуации произнесения. Пусть A — предложение, тогда $|A|$ — характер, $\langle A, s \rangle$ — произнесение A в ситуации s , $|A|^c$ — суждение, выражаемое A в s , т. е. означивание характера A в ситуации s . Если A — индексное выражение, то $|A|^c$ — всегда постоянная интенциональная функция. В таких случаях также говорят, что индексное выражение является прямо референциальным.

Ситуации произнесения суть контексты совсем другого рода, нежели рассматривавшиеся до сих пор. Формально, напомним, они представляются как тройка $s = \langle w, t, p \rangle$. Для теории изменения контекста существенны следующие соображения относительно индексной семантики.

Если не предложения, но только произнесения, т. е. локализованные предложения, выражают суждения, то необходимо, чтобы и контекст был локализован, ибо мы хотим рассматривать содержание произнесения не в произвольном контексте, но именно в том, в котором происходит произнесение. Хотя мы всегда делали оговорку, что *произнесение* предложения определенным образом изменяет контекст, нас тем не менее не интересовал индексный характер вы-

¹⁶См.: Черноскутов Ю. Ю. Контекст и логические теории пресуппозиции.

ражений, поэтому мы могли обходиться без соответствующих уточнений.

Очевидно, что локализация контекста не представляет проблем: с каждым произнесением $\langle A, c \rangle$ посредством ситуации c нам даются допущения участников диалога — всего лишь поэтому, ибо w_c дает нам все, в том числе установки говорящего и слушающего. Поэтому мы всегда можем принимать контекст K_c как один из признаков ситуации c . Тогда введенная в предыдущем разделе функция изменения контекста перетолковывается так, что ее аргументы не просто предложение и контекст, но предложение, локализованное определенной ситуацией и заданный в этой ситуации контекст; т. е. теперь вместо $K + A$ мы должны писать $K_c + \langle A, c \rangle$.

К сожалению, нельзя остановиться на таком тривиальном изменении функции изменения контекста. Недостаточно просто релятивизировать все шаги рекурсивного определения, например, для конъюнкции $(K_c \cap |B|^c) \cap |C|^c$. Интуитивно это означает, грубо говоря, что произнесение $\langle A, c \rangle$ так изменяет контекст K_c , что в последний добавляется суждение, выражаемое A в контексте K_c . (Мы исходим из того, что в определение характера индексного выражения контекст никогда существенно не входит, т. е. для дейктики устанавливаются только объективные признаки ситуации произнесения, но не субъективные установки говорящего/ слушающего.) Но, к сожалению, этот простой ход не отвечает целям теории изменения контекста, ибо последняя должна указывать, какая информация предложения, произносимого в определенной ситуации, передается слушающему или — в более общей формулировке — как слушающий понимает предложение на основании своих мнений.

Тот факт, что для слушающего семантическое содержание произнесения индексного предложения варьируется в зависимости от его информированности о ситуации произнесения и референта дейктического выражения, конечно, никоим образом не означает, что языковое значение безнадежно субъективно и не подлежит систематическому описанию. Значение индексного предложения идентифицируется с его характером и известно членам языкового сообщества только на основе их знания семантики языка. Однако для того, чтобы знать выражаемое предложением суждение — его семантическое содержание в узком смысле, требуется более чем знание языка.

Если мы хотим выразить субъективное информационное содержание предложения A , мы должны добавить в контекст K_c не $|A|^c$, но $|A|^c$ — суждение, выражаемое A в возможной ситуации произнесения, которая соответствует допущениям слушающего (возможно, ложным) о фактической ситуации произнесения. Каждая такая c' делает аргументом характера A одно и то же подходящее суждение.

Но если это условие, предъявляемое к допущениям слушающего, т. е. к контексту, не выполняется, то это не ведет к тому, что индексное предложение становится вообще неинтерпретируемым. Если референт индексного выражения не установлен, слушающий переходит к «атрибутивному» прочтению: выражение в этом случае истолковывается не как прямо референциальное, но как дескрипция: «Я» — как говорящий, «теперь» — как момент произнесения и т. д. Тогда в контекст добавляется контекстно зависимое суждение, выражаемое предложением при такой переинтерпретации.

Дальнейшее изложение основывается на рассуждениях Сталнакера¹⁷. Единственное отличие здесь от его изложения — мы не делаем упрощающего допущения, что ситуацию произнесения можно идентифицировать с возможным миром.

1. Изменение контекста индексным предложением:

$$K_c + \langle A, c \rangle = K_c \cap |A|^c \text{ для } c' \in K_c,$$

c и c' здесь больше не тройка мир, время, место, но только возможные миры, т. е. $c = c_w$

2. Условия допустимости для индексных предложений:

Произнесение A в контексте K допустимо только тогда, когда $|A|^c = |A|^{c''}$ для всех $c', c'' \in K_c$.

Сталнакеровские условия допустимости для индексных выражений (далее — УДИ) могут выполняться двумя различными путями. Первый — когда контекст (допущения слушающего) однозначно устанавливает референт индексного выражения, входящего в A : предложение

В день, когда Софье исполнилось 7 лет, шел дождь. (4)

допустимо только в тех контекстах, в которых содержатся лишь миры, где Софья обозначает один и тот же индивид a и только его, и a в каждом мире родилась в один и тот же день t . В этом слу-

¹⁷ Stalnaker R. C. Assertion.

чае характер приведенного предложения в границах K постоянен. Иначе говоря, во всех возможных мирах $w' \in K$ это предложение (4) выражает одно и то же суждение, а именно множество миров w , в которых в день t 7-летия a идет дождь.

Если же предложение произносится в контексте, где не выполняются УДИ, то имеет место, как мы говорили выше, переинтерпретация. Сталнакер производит это с помощью диагонального оператора Δ и принципа диагонализации:

3. *Диагонализация*: если произнесение A в K недопустимо по УДИ, то вычисляется не $K+A$, но $K+\Delta A$.

Диагональный оператор: $|\Delta A|^{w',w} = |A|^{w,w}$ для всех возможных миров w, w' .

Диагональный оператор отождествляет в характере выражения A мир произнесения с соответствующим миром означивания. Он имеет также то следствие, что экстенционал A в мире w рассматривается с допущением, что A произносится в этом мире. Очевидно, что характер диагонализированного предложения в каждой ситуации произнесения дает одинаковые суждения, так как w' больше не входит в семантические правила, детерминирующие это суждение. Поэтому УДИ благодаря диагонализации выполняются во всех случаях. Диагональный оператор — это не просто технический прием; он порождает именно те прочтения, которые мы описывали выше как интуитивно желательные. Благодаря ему все прямо референциальные выражения читаются атрибутивно. Это станет ясно, когда в следующем примере мы сравним истинностные условия (4) и ($\Delta 4$):

$|(4)|^{w'} = \{w \mid \text{в мире } w \text{ идет дождь через 7 лет после того дня, в который в мире } w' \text{ родился человек, которого в мире } w' \text{ зовут Софья}\}$

$|(\Delta 4)|^{w'} = \{w \mid \text{в мире } w \text{ идет дождь через 7 лет после того дня, в который в мире } w \text{ родился человек, которого в мире } w \text{ зовут Софья}\}$

Хотя диагональный оператор формально охватывает все дейктические выражения, входящие в предложение, это не означает, что мы можем диагонализировать лишь такие предложения, которые содержат индексы только с неизвестными референтами. Ведь относительно индексных выражений, чьи референты внутри контекста известны, диагональный оператор просто излишен: если в приведенном примере референт имени *Софья* однозначно установлен, то

дескрипция *человек, которого обозначает «Софья» в мире w* , задает во всех мирах из K одного и того же индивида, а значит, является в K прямо референциальным.

Теория Р. Сталнакера, помимо этого, дает простое решение проблемы, поставленной Г. Фреге: как предложения о тождестве бывают информативными. Рассмотрим известный пример:

Утренняя звезда есть вечерняя звезда. (5)

Собственные имена будем рассматривать как индексные выражения, семантику которых можно, в первом приближении, сформулировать так:

если N — имя собственное, то для всех w и w' :

$|N|^{w,w'} =$ тот индивид, на которого указывает N в мире w' .

Однако в соответствии с этим пример (5) никогда не имеет случайного содержания, но в каждой ситуации произнесения выражает либо тавтологическое, либо противоречивое суждение — в зависимости от того, указывают «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» в мире произнесения на один и тот же предмет или нет. Дело в том, что ситуации произнесения представляют, так сказать, тотальное знание. В теориях же коммуникации или информации содержание предложения должно рассматриваться на основе частичного знания, моделируемого через контекст. В контексте же референты одного или обоих собственных имен из (5) могут быть неизвестны. Это опять же означает, что (5) интерпретируется не дословно, но диагонализированно. Диагонализированное прочтение (5) говорит примерно следующее: «То, что обозначается именем “утренняя звезда”, тождественно тому, что обозначается именем “вечерняя звезда”»; это несет новую информацию, т. е. выражает случайное суждение. (В силу введенных выше условий информативности и непротиворечивости произнесение (5) допустимо лишь в таких контекстах, в которых референт, по крайней мере, одного из имен неизвестен.)

В заключение заметим, что сделанное выше отождествление ситуации произнесения с миром произнесения не будет иметь последствий, пока дело касается только собственных имен и дескрипций; но это будет не так, если принять во внимание такие дейктические выражения, как «я», «здесь», «теперь». Рассматривая предложения, включающие эти выражения, следует учитывать, что произнесения этих предложений локализованы не только в возможном мире, но также в пространстве и времени. При учете этих факто-

ров правила изменения контекста и условия допустимости остаются неизменными; диагональный же оператор определяется как

$$|\Delta A| \langle w', t', p' \rangle, \langle w, t, p \rangle = |A| \langle w, t, p \rangle, \langle w, t, p \rangle.$$

Выше изложены некоторые основные принципы прагматического подхода к понятию пресуппозиции, позволяющие проводить обработку последней в рамках динамической парадигмы. Дальнейшая работа должна быть посвящена трактовке, в рамках изложенного понимания, понятий анафоры, определенных и неопределенных детерминаторов, проблеме проекции, эпистемическим установкам, более тщательному анализу интенциональных компонентов теории.